

СТИЛИЗАЦИЯ И ЭФФЕКТ КОНТРАСТА

Негматова Навруза Нодировна

Преподаватель кафедры русского языка и литературы

Самаркандского государственного педагогического института

Давронова Шахноза Мехриддиновна

*Студентка 3 курса Самаркандского государственного педагогического
института*

Аннотация. В данной работе исследовали сложная природа стилизации как специфического модуса художественного мышления. Рассматривали стилизацию не в узком смысле технического подражания, а как глубокую диалогическую операцию, в которой «чужой» стиль становится объектом художественного переосмысления. Особое внимание уделяли эффекту контраста, который выступает структурным стержнем произведения, создавая необходимое эстетическое напряжение между формой и содержанием.

Ключевые слова: стилизация, эффект контраста, художественный дискурс, поэтика, интертекстуальность, диалогизм, эстетическое напряжение.

Abstract. This paper explores the complex nature of stylization as a specific mode of artistic thinking. The author considers stylization not in the narrow sense of technical imitation, but as a profound dialogical operation in which the “alien” style becomes an object of artistic re-evaluation. Special attention is paid to the effect of contrast, which acts as the structural pivot of the work, creating the necessary aesthetic tension between form and content.

Keywords: stylization, contrast effect, artistic discourse, poetics, intertextuality, dialogism, aesthetic tension.

Стилизация в литературе — это всегда поединок двух сознаний: того, кто пишет сейчас, и того, чьим пером автор временно «завладел». Это не рабское копирование манеры письма, а скорее интеллектуальный маскарад. Представьте себе архитектора, который строит современное здание, используя кирпичи разрушенного античного храма. Форма остается древней, но назначение и внутренний дух пространства радикально меняются. В этом и заключается суть авторской стилизации: она всегда содержит в себе элемент остранения, дистанции между моделью и результатом. Она не стремится быть оригиналом, она стремится быть его умным и порой ироничным эхом. Идей классиков позволяет нам увидеть, что стилизация — это «живое зеркало». Если обычное подражание стремится скрыть швы, сделать подделку неотличимой от оригинала, то истинная стилизация, напротив, подчеркивает свою искусственность. Она говорит читателю: «Посмотри, я играю в эту эпоху, но я нахожусь за её пределами». Это состояние «внезаходимости» позволяет автору использовать старые языковые формулы для выражения смыслов, которые в оригинальную эпоху были бы просто невозможны. Стилизация превращается в мост, по которому смыслы прошлого перетекают в

настоящее, преображаясь до неузнаваемости. Контраст в художественном тексте — это не просто соположение черного и белого. Это энергетический разряд, возникающий на стыке несовместимых стилистических плоскостей. Эффект контраста работает как увеличительное стекло: он выхватывает из повседневности детали и придает им метафизический вес. Когда высокий штиль оды внезапно прерывается резким, почти физиологическим описанием быта, происходит «эстетический шок». Этот прием заставляет читателя выйти из зоны комфорта и начать заново осмысливать прочитанное. Контраст обнажает правду там, где стиль пытается её приукрасить.

Критический взгляд на проблему подсказывает нам, что стилизация живет за счет системы несовпадений. Тынянов блестяще аргументировал, что любая литературная преемственность — это не прямая линия, а «неувязка», борьба. Стилизация по своей сути пародийна, даже если в ней нет комического элемента. Она пародийна в том смысле, что она всегда «не то, чем кажется». Контраст здесь служит индикатором этой инаковости. Без контрастного элемента стилизация рискует превратиться в стилизаторство — бесплодную и мертвую имитацию, лишенную авторского дыхания. Представьте художественную ткань произведения как сложный узор, где нити золотой парчи переплетаются с грубой бечевкой. Если бы всё полотно было золотым, глаз бы быстро замылился, и ценность материала перестала бы восприниматься. Но соседство с грубой нитью заставляет золото сиять ярче. В литературе роль «бечевки» часто играет современный сленг или подчеркнуто приземленная лексика, которая оттеняет архаическую стройность стилизованного периода⁴. Контраст становится не просто украшением, а инструментом верификации подлинности авторского голоса. Он подтверждает, что автор не потерялся в чужом стиле, а использует его для усиления собственной позиции.

Стилизация также выполняет роль фильтра. Она отсекает лишнее, оставляя лишь скелет жанра, который затем облекается в новую плоть контрастных образов. Это взаимодействие рождает особую форму интеллектуального наслаждения — радость узнавания и одновременно удивление от новизны. Мы видим знакомый силуэт старой сказки, но внутри неё обнаруживаем острый социальный памфлет или экзистенциальную драму. Этот разрыв между ожиданием (заданным стилизацией) и реальностью (явленной через контраст) и есть пространство, где рождается искусство. Стилизация и контраст — это инструменты деконструкции реальности. Автор не просто описывает мир, он конструирует его из фрагментов других миров, сталкивая их между собой. Это создает эффект многомерности, где каждое слово звучит в нескольких регистрах одновременно. Стилизация задает тональность, а контраст вносит диссонанс, который делает мелодию текста живой и непредсказуемой. Этот прием в сочетании с контрастом трансформирует само понятие литературного героя. В условиях подчеркнуто стилизованного пространства персонаж часто становится заложником формы. Он вынужден действовать в рамках заданного канона — будь то рыцарский роман, античная трагедия или викторианский детектив, — но его внутренние мотивы и

⁴ Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. М.: Наука, 1977. С. 255

реакции могут быть намеренно современными, психологически детализированными и даже приземленными. Этот глубокий внутренний контраст создает психологическую дистанцию, недоступную линейному повествованию. Герой начинает буквально чувствовать «тесноту» своего стиля, и эта борьба живого человека с застывшим словом становится мощной метафорой человеческого существования.

Если художественно сказать это столкновение, то оно напоминает человека, который нашел на чердаке старые доспехи. Они величественны, они пахнут историей и подвигами, но они жмут в плечах, они холодны и нелепо гремят при каждом шаге по современной квартире. Персонаж пытается соответствовать блеску металла, но его человеческая слабость и повседневные заботы постоянно прорываются сквозь забрало. В этом разрыве между «казаться» (стиль) и «быть» (контрастная реальность) и рождается истинный драматизм, характерный для современной прозы. Критическая мысль Михаила Бахтина, если переложить её на язык современного анализа, указывает на то, что слово в стилизации — это всегда «слово с двойным дном» или «слово с оглядкой». Оно никогда не бывает наивным. Оно всегда помнит о своем происхождении, о том контексте, из которого его вырвал автор, но при этом оно вынуждено служить новому хозяину. Эта двойственность порождает особый тип художественного напряжения, который можно сравнить с натянутой струной. Мы отчетливо слышим голос автора сквозь маску заимствованного стиля, и этот неутрачиваемый контраст между «маской» и «лицом» составляет главную интригу текста⁵. Смысл здесь рождается не в самом стиле и не в самом контрасте, а в том узком, искрящемся зазоре, который возникает между ними.

Процесс сотворчества читателя и автора в контексте контрастной стилизации можно представить как захватывающую игру по дешифровке скрытых кодов. Когда мы сталкиваемся с резким переходом — например, от возвышенного, пасторального описания природы в духе сентиментализма к сухой, бездушной юридической справке или протоколу обыска — наше сознание совершает мгновенный скачок. Стилизация в данном случае задает правила игры, формирует горизонт ожиданий, а контраст эти правила демонстративно нарушает. Этот слом заставляет нас искать более высокий уровень обобщения, подниматься над текстом, чтобы увидеть общую картину.

В этом контексте автор выступает как искусный провокатор. Он не просто рассказывает историю, он проверяет читателя на бдительность. Если читатель не заметит контраста, если он примет стилизацию за чистую монету, художественный эффект будет утрачен. Но если искра узнавания вспыхнула, текст начинает «работать» на полную мощность.

Эффект контраста в стилизации достигает своего апогея в моменты кульминации, когда автор решает сбросить все стилистические маски. Однако, чтобы этот жест имел вес, на протяжении всего текста должна поддерживаться безупречная иллюзия. Это требует от писателя колоссального владения языковым инструментарием. Автор должен быть одновременно лингвистом, историком, архитектором смыслов и, в какой-то мере,

⁵ Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. М.: Художественная литература, 1975. С. 120.

иллюзионистом. Он создает мир, который одновременно и предельно реален в своей стилистической убедительности, и подчеркнуто призрачен в своей контрастной деформации. Обращаясь к идеям Виктора Шкловского, мы находим фундаментальное подтверждение тому, что искусство — это, прежде всего, способ «почувствовать делание вещи», её материальность и фактуру. Стилизация обнажает этот процесс созидания. Мы видим швы, мы видим клей, мы видим, как автор «собирает» стиль из осколков прошлого, и тут же видим, как он наносит по нему удар молотом контраста. Это двойное, пульсирующее движение — созидание через разрушение и разрушение ради созидания — и есть сама жизнь художественного текста⁶. Контраст здесь выступает не как разрушительная сила, а как необходимая форма сопротивления материала. Он не дает смыслу превратиться в догму, не позволяет слову застыть в мертвой форме.

Стилизация, усиленная контрастом, становится инструментом экзистенциального познания. Она показывает нам, что наша идентичность — это тоже своего рода стилизация. Мы все носим социальные, культурные и языковые маски, заимствованные у предыдущих поколений. И только моменты острого жизненного контраста — боль, любовь, внезапное озарение — позволяют нам почувствовать свое подлинное «Я» вне навязанного стиля. Стилизация и эффект контраста представляют собой неразрывное диалектическое единство. Стилизация обеспечивает литературному тексту необходимую культурную преемственность, глубину и «память жанра», вписывая локальный авторский сюжет в бесконечный мировой контекст. В свою очередь, контраст придает этому тексту пульсацию жизни, индивидуальность и актуальность, не позволяя ему превратиться в музейный экспонат. В их сложном, порой конфликтном взаимодействии рождается та особая эстетическая энергия, которая заставляет читателя возвращаться к книге снова и снова. Современная литература, существующая в эпоху тотального цитирования и ремиксов, лишь подтверждает незыблемость этих классических принципов. Авторская уникальность сегодня заключается не в попытке изобрести абсолютно новый, ни на что не похожий язык — что практически невозможно, — а в виртуозной способности сталкивать между собой уже существующие языки и стили. Так, чтобы искры, вылетающие от этого столкновения, освещали самые темные и запутанные углы человеческой души и современной реальности. Стилизация — это не бегство от настоящего в уютное прошлое, а способ более острого, многогранного и честного познания этого настоящего через призму вечных, устойчивых культурных форм.

Список использованной литературы:

1. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. — М.: Советская Россия, 1979. — 320 с.
2. Тынянов Ю. Н. Литературный факт. — М.: Высшая школа, 1993. — 319 с.

⁶ Шкловский В. Б. О теории прозы. М.: Советский писатель, 1983. С. 64.

3. Шкловский В. Б. Гамбургский счет: Статьи — воспоминания — эссе (1914—1933). — М.: Советский писатель, 1990. — 544 с.
4. Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек — текст — семиосфера — история. — М.: Языки русской культуры, 1996. — 464 с.
5. Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. — Л.: Наука, 1967. — 372 с.